

Фарафонов Антон Александрович

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ РОССИИ В ЗЕРКАЛЕ АВТОРИТАРИЗМА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2011/8/22.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (51). С. 62-66. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2011/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 321.64

*Антон Александрович Фарафонов**Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова*СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ РОССИИ В ЗЕРКАЛЕ АВТОРИТАРИЗМА[©]

Проблема определения характера политического режима в современной России с начала 2000-х, порождает большое количество дискуссий в экспертной среде. Так, близкие к власти политологи Г. Павловский и С. Марков для описания существующей политической системы ввели термин «управляемая демократия», что, по их мнению, означает инструментальный режим охранения структурных реформ. Бывший премьер-министр РФ Михаил Касьянов заявил, что «ни по одному из демократических направлений Россия не следует» [21] в то время когда ранее Вячеслав Никонов утверждает, что «стратегия Путина - это функционирующая эффективная демократия при неизменной российской Конституции» [11, с. 5]. Примечательная цитата З. Бжезинского [3, с. 12] («Режим господина Путина во многом схож с фашизмом Муссолини») удивительно контрастирует с высказыванием бывшего губернатора Чукотского АО, бизнесмена Р. Абрамовича: «Россия является весьма демократической страной» (в интервью газете «Известия») [22]. Избрание же в 2008 году президентом Д. А. Медведева, заслужившего имидж якобы либерала и западника, укрепило надежды оптимистов на продолжение и углубление демократических преобразований. Так, например, первый вице-президент Центра политических технологий, Алексей Макаркин, резюмируя первые итоги его правления, пишет: «Медведев не только либеральный президент. Он и социальный президент» [9, с. 11].

Однако ронзаясь в терминах и формулировках, большинство специалистов на данный момент все же склоняются к мнению, что политический режим страны недемократичен по своей сути. При этом, конечно же, очевидно, что нынешняя система не является и тоталитарной. Таким образом, согласно логике концепций транзитологии, речь идет о некоем «переходном состоянии», которое необходимо для плавной трансформации жесткой советской системы в демократию западного образца. Институты гражданского общества и правового государства, заложенные на волне стихийных преобразований 90-х годов, все еще слишком молоды и нестабильны, в то время как наследие тоталитарного коммунистического прошлого до сих пор оказывает свое влияние на политическое сознание и культуру масс и элит. Поэтому становление демократии в нашей стране проходит весьма неравномерно, а его различные этапы приводят на деле к диаметрально противоположным результатам. Российский политолог Ю. Красин, например, пишет о том, что нынешний политический режим России представляет собой «странный антиномичный симбиоз демократии и авторитаризма, ограничивающий возможности демократического развития и затрудняющий политическое самоопределение страны» [7, с. 125].

Основываясь на ряде процессов и явлений в социально-политической сфере государства, можно сделать предположение о доминировании в характере власти скорее авторитарных черт, нежели демократических. Для доказательства этого тезиса стоит обратиться к теоретической базе по данной проблематике.

Проблема определения понятия авторитаризма неоднократно отмечалась в специализированной литературе. Главная сложность в данной связи заключается в существовании многообразных форм авторитарного режима, которые при этом могут сильно отличаться друг от друга. По наблюдению С. Хантингтона, единственное, что их объединяет, - это отсутствие свойственной демократиям процедуры свободных выборов. В свою очередь, авторитетнейший исследователь данной проблематики Хуан Линц отмечает, что *авторитарными режимами признаются по большей части на основании того, чем эти режимы не являются по отношению к демократии и к тоталитаризму. Наконец, стоит отметить ставшее известным определение авторитаризма Д. Саттори: «Авторитаризм - это власть, не признающая свободы».*

Х. Линц, выделяет 4 основоположных черты авторитаризма [10]:

1. Ограниченный политический плюрализм.
2. Отсутствие руководящей идеологии.
3. Низкий уровень политического участия, слабая мобилизация населения.
4. Формально обозначенные границы власти лидера/элиты.

Такой подход помогает раскрыть фундаментальный механизм функционирования авторитарной политической системы. Наличие автономных, нерегулируемых государством сфер общественной жизни, ограниченного, но все же плюрализма, не предполагает наличие официальной жесткой идеологии по типу тоталитарных государств. Однако при этом, отсутствие четкой идеологической базы вполне может спровоцировать мобилизованные массы на выступления против самого режима. Вот почему авторитаризм отличается слабой мобилизацией населения в обычном смысле, низким уровнем политического участия. В то же время, слишком низкое участие населения даже при сохранении формальных демократических процедур (выборы, референдум) ставит властную элиту в сложное положение возможного (или постоянного) недостатка легитимности. Поэтому авторитарной элите приходится постоянно лавировать в поисках новых средств поддержания легитимности и источников власти.

Так, А. П. Цыганков несколько конкретизирует и дополняет список Х. Линца, указывая на [17]:

1. Стремление исключить политическую оппозицию (если таковая существует) из процесса артикуляции политических позиций и принятия решений.
2. Стремление использовать силу в разрешении конфликтных ситуаций и отсутствие демократических механизмов контроля за осуществлением власти.
3. Стремление поставить под свой контроль все потенциально оппозиционные общественные институты - семью, традиции, группы интересов, средства массовой информации и коммуникации и пр.
4. Относительно слабую укорененность власти в обществе и вытекающие отсюда желание и, одновременно, неспособность режима подчинить общество всеобъемлющему контролю.
5. Перманентные, но чаще всего не слишком результативные поиски режимом новых источников власти (традиции и харизма лидера) и новой, способной сплотить элиту и общество идеологии.
6. Относительную закрытость правящей элиты, которая может сочетаться с наличием внутри нее разногласий и борющихся за власть группировок.

Важный момент, который так же зачастую отмечается для описания авторитарных режимов - это наличие единственной или привилегированной партии. Однако в данном случае, партия не будет являться таким же сильным и дисциплинированным институтом, как при тоталитаризме, т.к. носит по сути искусственный характер, она создается сверху путем слияния разнородных элементов.

Анализируя политические процессы в России за последние десять лет, можно обнаружить немало сходств между представленными выше теоретическими выводами исследователей авторитаризма и существующей политической практикой в стране. Так, провластная партия «Единая Россия» на протяжении семи последних лет стабильно получает абсолютное большинство в парламенте РФ: в ГД IV созыва ее фракция насчитывала более 300 человек (67%), а в ГД V созыва фракция «ЕР» составила 315 мест (70%). При этом единственная реально оппозиционная партия, КПРФ, едва достигала отметки в 50 членов фракции: 47 (11%) и 57 (12%) мест соответственно. По замечанию А. Яковлева, «Парламент стал одноногим. Альтернативность исчезла, а вместе с ней и реальный парламентаризм» [22, с. 10]. Такая расстановка сил позволила «ЕР» без лишних сложностей принимать любые инициированные властью предложения и законопроекты, а также исключила возможность повторения событий 1998-99 годов, когда Думой была запущена процедура импичмента президенту РФ Б. Н. Ельцину. «Единая Россия» имеет большинство и в подавляющей части региональных парламентов. Внесистемная же оппозиция в стране разрознена и дискредитирована. В силу своего довольно пестрого и своеобразного состава (либералы эпохи 90-х годов, радикалы-нацболы, фашисты и др.), она не смогла заручиться хоть сколько-нибудь весомой поддержкой среди населения. Акции протеста, проводимые оппозиционерами («Другая Россия», «Стратегия 31» и др.) успешно блокируются силами правоохранительных органов или административными преградами, а информация о них фактически не попадает в СМИ.

При этом сами средства массовой информации, особенно телевидение, частично или полностью контролируются государственными структурами: 51% акций крупнейшего в стране Первого канала, охват аудитории которого в РФ составляет 98% населения, принадлежит государству. Телеканалы «Россия-1», «Россия-2», «Россия-24», «Культура», «РТР-Планета» и др. входят, как известно в медиа-холдинг ВГТРК, также являющийся государственным. Наконец, третий по размерам аудитории в РФ (120 миллионов человек) телеканал НТВ, после известных событий 2000-01 годов (задержание бывшего владельца В. Гусинского и его дальнейшая эмиграция в Испанию), перешел в собственность ОАО «Газпром-Медиа», дочерней компании российского государственного газового монополиста ОАО «Газпром». Естественно, что такая ситуация не самым лучшим образом сказалась на состоянии гласности и свободы слова на российском телевидении. Так, с жесткой критикой в адрес федеральных телеканалов выступил Леонид Парфенов в своем резонансном выступлении на вручении премии им. В. Листьева от 25 ноября 2010 года: «В федеральном телеэфире не слышно критических, скептических или иронических суждений относительно президента и премьер-министра страны, замалчивается до четверти спектра общественного мнения. Высшая власть предстает дорогим покойником - о ней либо хорошо, либо ничего» [23].

Закон 2004 года об отмене губернаторских выборов резко ослабил роль региональных элит и бизнеса в политическом процессе России. Политическая конкуренция в регионах сильно снизилась, заметно спала и «текучка» губернаторских кадров. До 1999 лишь менее половины (45%) губернаторов смогли переизбраться на новый срок, с 1999 по 2004 г. уже две третьих (66%) губернаторов сохранили свои посты. После же принятия нового порядка выборов губернаторов в 2004 г., когда кандидатура губернатора предлагается президентом РФ и утверждается региональным законодательным собранием, подавляющее большинство действующих глав исполнительной власти (79%), сохранило посты и остались назначенными губернаторами [12]. Очевидно, что все вновь назначенные губернаторы абсолютно лояльны федеральному центру, а 66 и 88 глав регионов (на 2006 год) являлись еще и членами «Единой России». Снижение конкурентности регионального политического процесса протекает параллельно с другим, весьма показательным явлением. В период президентства Д. А. Медведева обозначилась тенденция ухода со своих должностей старейших и авторитетнейших региональных лидеров, так называемых «губернаторов-тяжеловесов»: громкая отставка Ю. Лужкова, досрочное прекращение полномочий М. Рахимова, добровольный отказ от переизбрания К. Илюмжинова и М. Шаймиева. «Обезглавливание» таких мощных центров сепаратизма 90-х годов как Татарстан и Башкортостан свидетельствует об ужесточении кадровой политики Центра в регионах, выстраивании и усилении вертикали власти в стране.

Укреплению властной вертикали способствовали и поправки в Конституции РФ от 31 декабря 2008 года, согласно которым, срок полномочий президента увеличился с 4 до 6 лет, а Государственной Думы, ставшей фактически «ручной» благодаря большинству «Единой России», с 4 до 5 лет. Показательно, что принятие столь важных решений происходило без уместной в данном случае процедуры референдума, что лишь подтверждает мнение экспертов об автономности власти от общества в стране. Немаловажно, что такой важнейший институт прямой демократии как референдум, вообще ни разу не проводился в РФ с момента событий 1991 года.

Созданная в 2005 году Общественная Палата с функцией экспертизы важных государственных решений, должна была открыть новые каналы учета властью интересов граждан и контроля общественности за деятельностью исполнительной власти. Однако установленный порядок взаимодействия Палаты с парламентом составлен так, что ее члены могут реально влиять на судьбу законопроекта только одним путем: обнародованием своей экспертизы до принятия решения в ГД РФ. При этом заключения Общественной Палаты по результатам экспертизы носят сугубо рекомендательный характер [13]. Следует отметить, что если члены Общественной палаты имеют право участвовать в работе комитетов и комиссий Совета Федерации, Государственной Думы, то на пленарных заседаниях палаты Федерального Собрания РФ они имеют право только присутствовать. Также члены Общественной палаты вправе лишь присутствовать на заседаниях Правительства РФ, но не принимать участия в их работе [4]. На заседании Комитетов парламента члены Палаты могут излагать свое мнение только на стадии подготовки документов, а не в ходе их рассмотрения. Выступая на Всероссийском форуме медицинских работников в апреле 2011 года, член Общественной Палаты, известный детский хирург Л. М. Рошаль в довольно резкой форме подчеркнул: «Представителей гражданского общества не хотят слушать, на нас смотрят, как на навязчивых мух» [15, с. 11]. Не лучшая ситуация пока что складывается и с Государственным Советом, совещательным органом при Президенте РФ, рассматривающим насущные вопросы жизни страны. Многие наблюдатели с разочарованием констатируют, что альтернативность и дискуссионность пока не свойственны его заседаниям. А В. Лысенко и вовсе в ироничной форме замечает, что «палаты лордов из Госсовета не вышло» [18, с. 24].

Особенности рекрутирования политической элиты в России также вызывают массу сомнений и споров у специалистов. Из существующих на данный момент пяти основных каналов пополнения политического класса, а именно, лично-корпоративного, административно - бюрократического, бизнес-связей, партийного и академического, наиболее распространены лишь первые три. Первый означает замещение постов и должностей «по знакомству» или «по старой дружбе», что в известной степени ведет к образованию клановости в высшей управленческой среде. Так, например, понятие «ленинградский клан» является на сегодня достаточно устойчивым в политологической литературе и подтверждается статистически: до трети (33%) представителей политической элиты в современной России составляют лица, происхождение или трудовая деятельность которых связаны с Санкт-Петербургом. По хлесткому замечанию А. Г. Лебедева, члена ГД IV созыва и председателя совета директоров ЗАО «Национальная резервная компания» в интервью электронному изданию «Русский Журнал», «российский политический класс - это сборище друзей» [8]. Проникновение же бизнеса в политические иерархии, зачастую осуществляется с помощью коррупционных механизмов. Выходцы из крупных естественных монополий и корпораций ТЭК «кочуют» с государственно-административных постов на бизнес-посты и обратно.

Следует также учесть и фактор участия населения в политическом процессе. По данным авторитетного исследовательского центра «Европейские социальные исследования», ESS (The European Social Survey), в России всего 43% населения хотя бы отчасти интересуются политикой. При этом наименьший интерес политика вызывает у молодежи (до 30 лет). Довольно низкий уровень интереса закономерно приводит и к соответственно невысоким показателям уровня политической компетентности (т.е. возможности ориентироваться и составлять свое мнение относительно актуальных политических событий) населения. Лишь 14% россиян утверждают, что им «очень» или «довольно легко» составить свое мнение о политике, для 39% сделать это довольно сложно, 40% - где-то посередине и 7% затруднились ответить. Доля тех, кто проявляет большой интерес к политике, и одновременно очень или довольно легко разбирается в политических вопросах, составляет лишь 4%. Наибольшую группу в стране составляет мало заинтересованная в политике и средне или слабо-компетентная группа граждан - 50%.

Суммарный индекс электоральных и неэлекторальных форм участия показывает, что в целом в стране 66% взрослого населения (от 15 лет) принимают участие в политической жизни, а более трети вообще не принимают никакого участия в политических делах. Для сравнения: в наиболее политически и общественно активной Скандинавии доля последних не более 10%. Все статистические данные представлены сотрудником «ESS-Россия», кандидатом политических наук А. В. Андреевской [1; 2].

Таким образом, беглый анализ лишь некоторых тенденций из политической хроники России последних лет дает возможность судить о закрытости и клановости правящей элиты, ее низкой контролируемости институтами гражданского общества, стремлении к монополизации власти и медиапространства; имеют место и устойчивые тенденции к укреплению так называемой «властной вертикали». Наличие доминирующей партии власти при отсутствии четко выраженной идеологии режима, низкий уровень политического участия - все это в совокупности с выше перечисленным создает картину весьма приближенную к теоретическим условиям авторитаризма.

Однако, тем не менее, в специфике политического режима современной России существует и ряд противоречий с теорией классического авторитаризма. Во-первых, власть не только открыто называет себя демократической, но и активно стремится сохранить внешние формальные признаки демократии - демократическое законодательство и процедуры (выборы, референдумы и т.д.). Режим не отказывается от либеральной риторики и постоянно стремится сотрудничать или вступить в различные международные организации, объединяющие развитые демократические государства. Во-вторых, отсечение оппозиции от рычагов влияния на власть не происходит исключительно силовыми методами. Для этого применяются различные технологии (информационные, электоральные) наподобие активного использования административного ресурса. Кроме того, даже в случае силового воздействия на противников системы, используются лишь точечные, индивидуальные репрессии против наиболее ярких оппозиционеров, не прибегая при этом к масштабным репрессиям против целых социальных групп, партий или организаций. К тому же, опора на силовые структуры никак не акцентируется элитой, хотя, разумеется, что между ними существует крепкая взаимосвязь. Все это позволяет говорить о нынешних российских реалиях с позиций распространённого в последние годы термина «имитационная демократия» (ИД). ИД можно охарактеризовать как форму устройства политической системы государства, при которой, несмотря на формально демократическое законодательство и формальное соблюдение всех выборных процедур, фактическое участие гражданского общества в управлении государством и влияние общества на власть (обратная связь) мало или минимально. Сам термин стал известным благодаря израильскому историку Якобу Лейбу Талмону, употребившему его в своей книге «Истоки тоталитарной демократии». Из отечественных исследователей данное понятие использовано политологом Дмитрием Фурманом. «ИД, по сути, - объясняет Фурман - это авторитарный режим, закамуфлированный в демократическую форму» [16]. По его мнению, активная эксплуатация «образа демократии» необходима режиму для собственной легитимации на международной арене, ибо «в идейной сфере современного мира демократии победили абсолютно, и нет более способов легитимации кроме демократического». Так как имитация демократии требует от авторитарного режима максимального сокращения или маскировки карательных действий и репрессий, основной формой осуществления власти становятся более мягкие средства воздействия, или политические технологии. Широкий арсенал легальных и нелегальных средств политического манипулирования сознанием (особенно в выборный период) обеспечивает лояльность населения при видимой демократичности и естественности происходящих процессов. Концепция ИД представляется весьма удачной, т.к. позволяет отойти от «чистых» или идеальных теорий авторитаризма, приблизившись к актуальной политической практике.

Вместе с тем, устанавливать принадлежность российской политической системы к какому-либо конкретному типу авторитаризма или квазидемократии не представляется возможным и нужным в контексте данной работы. Во-первых, описание политического режима России 2000-х годов требует отдельного и весьма объемного труда, подразумевающего детальный анализ множества факторов политического процесса в стране. А во-вторых, как уже было отмечено ранее, характерной чертой авторитаризма является чрезвычайное разнообразие его форм, поэтому присвоение какого-то конкретного «ярлыка» было бы весьма условным, т.к. в зависимости от выбранных критериев можно одинаково доказательно описать нынешнюю политическую ситуацию в России с позиций десятков различных авторских подходов и классификаций. Многочисленные типологии современных политических режимов (в т.ч. авторитарных) успешно развивались в поле сравнительной политологии и связаны с именами Р. Даля, А. Лейпхарта, Ж. Блонделя, Г. Алмонда и др. А. П. Цыганков приводит распространённую классификацию авторитарных режимов на однопартийные, военные, бюрократически - олигархические и режимы личной власти. Весьма авторитетной является типология Х. Линца, основанная на таких факторах, как плюрализм, идеологизация, мобилизация и конституционность власти. Региональные модели авторитаризма и его взаимосвязь с экономикой страны на примере Латинской Америки проанализированы аргентинским политологом Гильермо О'Доннеллом. Свое видение специфики российского авторитаризма есть и у отечественных исследователей. В. Э. Гончаров характеризует его как типичный случай бонапартизма [5], политолог Лилия Шевцова говорит о бюрократическо-авторитарном режиме [19], Л. Гудков озвучивает предельно простое название - «путинизм» [6]. Кроме того, многочисленные гуманитарные неправительственные организации, занимаясь ежегодным составлением рейтингов стран по уровню защиты прав и демократии, предлагают собственные классификации политических режимов. Так, в традиционном докладе «Nations in Transit» организации *Freedom House* за 2006 год, Россия отнесена в разряд неконсолидированных авторитарных режимов [14].

Таким образом, главный вывод, сделанный в ходе проведенного анализа обширного фактического и теоретического материала, заключается в том, что нынешний российский политический режим, имея внешний демократический фасад в виде многопартийности, формальных избирательных процедур, демократического законодательства и Конституции, на практике все же остается далеким от образцов свободного общества и подлинного плюрализма.

Список литературы

1. Андреев А. В. Политическое поведение россиян // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 3. С. 47-60.
2. Там же. № 4. С. 4-25.
3. Бжезинский З. Московский Муссолини // Коммерсантъ. 2004. № 175. С. 12-13.

4. **Борисов А. Н.** Комментарий к Федеральному закону «Об Общественной Палате Российской Федерации»: постатейный. М.: Юстицинформ, 2006. 168 с.
5. **Гончаров В. Э.** Современное политическое консультирование. СПб.: ИВЭСЭП; Знание, 2007. 220 с.
6. **Гудков Л.** Природа «путинизма» // Вестник общественного мнения. 2009. № 3. С. 6-21.
7. **Красин Ю. А.** Российская демократия: коридор возможностей // Полис. 2004. № 6. С. 122-128.
8. **Лебедев А. Е.** Российский политический класс - сборище друзей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Rossijskij-politicheskij-klass-sborische-druzej> (дата обращения: 02.05.2011).
9. **Макаркин А. В.** Не только либерал // Профиль. 2010. № 42. С. 11-15.
10. **Мельвиль А. Ю.** Политология: учебник. М.: МГИМО (Университет) МИД РФ; Проспект, 2004. 624 с.
11. **Никонов В. А.** Стратегия Путина // Российская газета. 2004. № 3660. С. 5-7.
12. **Нуреев Р. М.** Административный ресурс и его эволюция в постсоветской России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.econopus.org/doc/elmp/Nureev.pdf?PHPSESSID=q3856od80evhd62t75skcbfcu7> (дата обращения: 27.04.2011).
13. **Об общественной Палате РФ:** Федеральный закон № 32 от 04.04.2005 // Российская газета. 2005. № 3739. 07 апреля.
14. **Паин Э. А.** Политический режим в России в 2000-х гг.: особенности наследственные и приобретенные // Вестник общественного мнения. 2009. № 4. С. 38-49.
15. **Рыбина Л. С.** Вызов врача // Новая газета. 2011. № 41. С. 11-12.
16. **Фурман Д. Е.** Проблема 2008: общее и особенное в процессах перехода постсоветских государств [Электронный ресурс]: стенограмма публичной лекции, прочитанной 27.09.2007 в литературном клубе *Bilingua*. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2007/10/19/furman.html> (дата обращения: 04.05.2011).
17. **Цыганков А. П.** Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М.: Интерпракс, 1995. 269 с.
18. **Чернышев Б. В.** Традиции авторитаризма в системе государственных учреждений России // Правовая культура. 2007. № 1. С. 14-25.
19. **Шевцова Л. А.** Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката // Pro et contra. 2004. № 3. С. 36-55.
20. **Яковлев А. Н.** Реформация в России // Общественные науки и современность. 2005. № 2. С. 5-15.
21. <http://lenta.ru/news/2005/02/24/kasyanov/>
22. <http://91.202.99.74/person/article3099737/>
23. <http://www.1tv.ru/prj/premialistieva/vypusk/6319>

УДК 9(с)17(2Р36)(с173)

Наталья Сергеевна Шляхтина

Оренбургский государственный педагогический университет

БОРЬБА С ЭПИДЕМИЯМИ И ПРОФИЛАКТИКА ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО УРАЛА В КОНЦЕ XIX ВЕКА[©]

Во второй половине XIX века правительственные органы фактически не занимались общественной санитарией. Страну год от года посещали различного рода эпидемии, причинами которых являлись: элементарное отсутствие правил гигиены, несоблюдение санитарных норм, голод, нищета.

Санитарно-эпидемиологическое состояние Южного Урала также было достаточно тяжелым. На протяжении столетий Южный Урал являлся отсталой окраиной царской России. Здесь преимущественно была развита горнорудная промышленность. Кроме того, Южный Урал являлся местом ссылки и пересылки политических заключенных. Ситуацию усугубляло и антисанитарное состояние края. Все это лишь способствовало систематическим вспышкам эпидемий, сопровождавшихся высокой смертностью населения. В среднем, с 1867 по 1891 г. (за 25 лет) ежегодная смертность в Европейской России колебалась от 31,2 до 40,5 на 1000 человек. [1, с. 12]. Оренбургская губерния входила в черный список по уровню смертности (45,6). Общая же смертность на Урале в конце XIX века составляла от 43 до 54 случаев на 1000 жителей [10, с. 8].

Среди эпидемических болезней холера занимала исключительное место. Считалось, что основным способом остановки холеры являлась полная изоляция в карантинах на границах России. Зачастую, при эпидемической ситуации во внутренних областях России, принять изоляционные меры не успевали.

Оренбургскую губернию холера посетила в 1888 г. (смертность составила 18%) [4]. Наступивший же 1892 г. для властей губернии не был неожиданностью. Дело в том, что в 1890 г. холера регистрировалась уже во всех уездах губернии [5]. На прекращение эпидемии в Оренбурге от правительства поступило всего 8000 р. Вопросам по эпидемиям было посвящено расширенное совещание, в котором участвовал врачебный инспектор Л. П. фон Шлихтинг, а также врачи губернской больницы. На совещании Л. П. фон Шлихтинг уделил внимание санитарному состоянию губернии. По его словам, большинство населенных пунктов губернии находились в неблагоприятных санитарных условиях. Так, жители с. Ново-Троицкое Орского уезда перед употреблением питьевой воды должны были ее процеживать через сито для выявления загрязняющих веществ. Кроме этого, 40 населенных пунктов Челябинского уезда в силу своего топографического положения пользовались питьевой водой из болот, при этом, эти же болота служили и облюбованным местом для свалки [8]. Для борьбы с эпидемией в губернии обязанности эпидемических врачей были возложены на